

Ань Шаохуа только вошел в комнату, как Юэ'э тут же отправила Гуй-эр узнать, как обстоят дела. Чуньтао, стоя рядом, холодно ответила пару слов. Когда Гуй-эр ушла, Чуньтао долго жаловалась, в основном о том, что Юэ'э сейчас просто делает вид перед Ань Шаохуа. Пройдя долгий путь под холодным ветром и выслушав поток жалоб, Ань Шаохуа с тяжелым сердцем вернулся в Зал Жусун, но уснуть не смог. Снова поднявшись, он большую часть ночи листал материалы дела, постепенно находя нити расследования.

Проснувшись, Ань Шаохуа отправился в Палату наказаний. Коллеги, увидев его вид, выглядели несколько ошеломленными.

Несколько близких друзей подошли с шутками.

Один спросил, не перестарался ли он в брачной ночи, раз теперь спит один в кабинете.

Другой, смеясь, сказал:

— Как же так? У Вэйцина дома множество красавиц, как говорится: «персиковый цветок распускается без хозяина, любишь ли ты глубокий красный или светлый красный?». Персиковый цветок нежен, абрикосовый цветок прекрасен, глубокий красный и светлый красный так оживлены. Вэйцин, должно быть... хм? Хе-хе-хе...

Говоря это, они обменялись многозначительными взглядами и расхохотались.

Ань Шаохуа сдержанно улыбнулся... Вчера он действительно спал в кабинете, но не по этой причине.

Ближе к полудню Ань Шаохуа вместе с Гао Синьли и несколькими людьми отправился в тот пивоваренный двор.

Прибыв туда, они сначала проверили состояние работника. Тот ночью приходил в сознание, уже был в ясном уме, люди, оставленные Гао Синьли, задали несколько вопросов и снова уложили его спать. Сейчас он еще не проснулся.

Ань Шаохуа вызвал хозяйку заведения, чтобы она нарисовала портреты людей, связанных с делом: вора, пострадавшего и слугу. После того как хозяйка закончила, они должны были дожидаться, пока работник проснется, и нарисовать снова, чтобы сравнить. Если все совпадет, они тайно разыщут пострадавшего. Если нет — нужно будет выяснить, почему он солгал. Ань Шаохуа смутно чувствовал, что это дело скоро даст результаты.

Прошла ночь, и из-за постоянного движения людей двор больше не был таким тихим и пустынным, как раньше. Ань Шаохуа стоял под деревом османтуса, заложив руки за спину. Кто-то подошел, и он подумал, что это писарь из Палаты наказаний с готовыми портретами. Однако, обернувшись, он увидел Цинь Чжуна.

С вчерашнего дня Ань Шаохуа смутно ощущал, что Цинь Чжун не испытывает к нему уважения и имеет глубокие предубеждения. Сегодня, когда рядом не было Гу Мо, Цинь Чжун даже не стал притворяться. Холодно сказал:

— Пожалуйста, господин Ань, отправьте это письмо моему господину немедленно.

С этими словами он сунул письмо в руки Ань Шаохуа, который машинально принял его, но не стал сразу действовать.

Цинь Чжун повысил тон и снова торопил.

Ань Шаохуа удивился и спросил:

— Могу ли я узнать...

— Отправляйте или возвращайте, зачем так тянуть!

Цинь Чжун, нахмурившись, выхватил письмо обратно.

Ань Шаохуа сдержанно улыбнулся, позвал Фугуя и передал ему письмо, приказав отправить его. Он не был особо заинтересован в письме, но Цинь Чжун так ревностно его охранял, что это вызвало у Ань Шаохуа легкое недоумение. Если Цинь Чжун не хочет говорить, он может спросить Гу Мо.

Едва Фугуй ушел, Цинь Чжун поспешно поблагодарил и собрался уходить. К удивлению Ань Шаохуа, он даже не собирался проведать отравленного работника.

Ань Шаохуа догнал его и спросил о состоянии работника. Цинь Чжун задумался и ответил:

— Мой приемный отец уже дал ему противоядие. Максимум через два дня, минимум через полдня он придет в себя. Однако яд проник в органы, и ему потребуется полгода на восстановление.

Говоря это, он взглянул на вывеску пивоварни во дворе и подумал: «Небольшой бизнес, вряд ли сможет содержать бездельника. Сейчас работник слаб и не выдержит долгого пути. Драгоценное противоядие, возможно, лишь продлит его жизнь на полдня. Говорят, что небо милосердно. Может, стоит сказать кому-нибудь, чтобы его отправили в усадьбу семьи Гу, где содержат раненых солдат. Когда он поправится, пусть идет в армию Гу».

Ань Шаохуа последовал взгляду Цинь Чжуна. Тот, будучи военным, не умел скрывать свои мысли, и Ань Шаохуа быстро уловил его намерения. Он невольно вздохнул, подумав, что семья Гу, возможно, из-за множества сражений, слишком склонна к состраданию. Как и Гу Мо, который хочет спасти всех и всем помочь. Вчера он даже просил его пощадить Дуань Цзиньтана.

Цинь Чжун знал только часть правды об этом работнике. Судя по реакции хозяйки, если это дело будет закрыто, и оба выйдут сухими из воды, возможно, скоро произойдет что-то хорошее.

Писарь принес готовые портреты, и Ань Шаохуа вместе с Гао Синьли начали их изучать. Слуга, который передавал деньги пострадавшему, явно был похож на Хуаньси. Ань Шаохуа потерял виски. Вчера он чувствовал, что что-то упустил, и теперь вспомнил: нужно спросить Хуаньси. Сегодня он вернется и спросит его.

Увидев портрет пострадавшего, даже зная, что этот человек подозрителен, Ань Шаохуа не мог не восхититься его внешностью. Цинь Чжун, увидев портрет, на мгновение замер и спросил:

— Кто это? С каким делом он связан?

Цинь Чжун нахмурился:

— Кажется, я видел его недавно, но не могу вспомнить, где именно.

Ань Шаохуа уже собирался подробно расспросить, но хозяйка, увидев Цинь Чжуна, закричала:

— Спаситель! Благодетель!

Она бросилась к нему, достала из рукава пачку банкнот и хотела упасть на колени. Цинь Чжун слегка опешил, но хозяйка уже успела поклониться несколько раз и сунуть банкноты ему в руки.

Цинь Чжун поднял хозяйку, говоря:

— Не могу, не могу!

Ань Шаохуа слегка подсказал, и Цинь Чжун начал объяснять хозяйке, как ухаживать за работником. Хозяйка внимательно слушала, и Ань Шаохуа тоже задал несколько вопросов.

К концу полудня работник проснулся, немного пришел в себя и сразу хотел поклониться, говоря, что хочет отблагодарить. Услышав, что чиновники хотят, чтобы он нарисовал портрет, он выпил лекарство и начал рисовать.

— Господин!

Хуаньси подбежал.

— Господин!

Подойдя к Ань Шаохуа, он поклонился Гао Синьли и тихо шепнул:

— Господин, наложница Чуньтао упала у озера. Старая госпожа велела вам срочно вернуться.

Услышав это, Ань Шаохуа резко встал, стул с грохотом упал на пол, напугав всех в комнате и за ее пределами. Гао Синьли, увидев его бледное лицо, спросил кратко и велел ему скорее ехать домой, пообещав, что как только работник нарисует портрет, он сразу же отправит копию в Дом маркиза Чжунъюна.

Ань Шаохуа повернулся и вышел. Цинь Чжун последовал за ним:

— Господин Ань, человека с портрета я видел в прошлом месяце, на Празднике фонарей. Тогда в Тереме Восьми Бессмертных труппа «Красная актриса» выступала семь дней. Молодой господин в пурпурно-золотых одеждах приходил все семь дней, но не заказывал еды и вина. Он стоял внизу, слушал, а когда главная актриса труппы, Хун Цинъюнь, сходила со сцены, просил слугу передать ей кошелек. Все семь дней, без пропусков.

Цинь Чжун сразу понял, что этот молодой господин на самом деле переодетая девушка. Позже он случайно увидел, как эта девушка встречалась с человеком с портрета в Квартале Канлэ. Тот называл девушку «Цзыпин», а она его — «господин». Он дал Цзыпин кошелек, и той же ночью Цинь Чжун увидел, как Цзыпин передала его Хун Цинъюнь.

Ань Шаохуа поблагодарил. В голове мелькнуло: труппа «Красная актриса»... где-то недавно слышал это. Цзыпин...

Сделав пару шагов, он резко остановился:

— Брат Цинь, не могли бы вы спросить у того слуги, что было в кошельке?

Цинь Чжун удивился: что еще могло быть в подарке актрисе, кроме денег? Тем не менее, он согласился.

По дороге Ань Шаохуа вспомнил, как хозяйка говорила, что видела, как Хуаньси передавал деньги пострадавшему. Он позвал Хуаньси в карету и спросил о его отношениях с пострадавшим. Хуаньси немного задумался, но честно ответил:

— Господин, я действительно не могу вспомнить, кто это. Но те, кто просил меня передать деньги, обычно были связаны с повседневными расходами Двора Струящегося Света. Когда вернемся, я принесу бухгалтерские книги. Большинство из них сами приходят за деньгами, я редко их доставляю.

Он посмотрел на Ань Шаохуа, его взгляд был спокойным и искренним:

— Достаточно будет посмотреть книги, и я вспомню.

Карета катилась по дороге. В последние дни погода становилась теплее, начиналась весна. Солнечные лучи пробивались сквозь щели в занавесках, рисуя золотые линии. Внутри кареты Ань Шаохуа внимательно посмотрел на Хуаньси и больше не стал говорить.

Пишу с телефона, так что могут быть опечатки или другие проблемы. Пожалуйста, сообщите Лао Вэй, если что-то найдете.

<http://bllate.org/book/16674/1529471>